

И. В. СЕДОВ

ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕДСТАВИТЕЛИ РОДА ЛИХАЧЕВЫХ НА ЗАКАТЕ МОСКОВСКОГО ЦАРСТВА

История дворянских фамилий — тема малоизученная в отечественной науке. Применительно к XVII — началу XVIII в. было бы заманчиво проследить на примере отдельной семьи переход нравящихся верхов России от Средневековья к Новому времени.

Рассмотрим судьбу Алексея и Михаила Тимофеевичей Лихачевых на важнейшем переломе отечественной истории. Они известны как ближайшие советники царя Федора Алексеевича, им приписывают важнейшие постановления этого царствования, в том числе и отмену местничества 1682 г. — своего рода отказ от средневековых принципов службы.

В литературе высказано два принципиальных подхода к оценке их деятельности. В специальной работе по истории своего рода П. П. Лихачев уделил своим выдающимся предкам несколько строк: «Алексей Лихачев был одним из главных деятелей в преобразовательных стремлениях» конца царствования Алексея Михайловича и при его сыне Федоре, «но для эпохи Петра он был несомненной „постепеновец“ и едва ли мог сочувствовать резкому разрыву со старой Русью».¹

Совершенно иную оценку братьям Лихачевым дает П. Ф. Демидова. По ее мнению, они входили в кружок ближайших советников царя Федора Алексеевича наряду с боярами И. М. Языковым и кн. В. В. Голицыным. «В чем-то они, — пишет П. Ф. Демидова, — несомненно были едины — в стремлении к западной культуре и порядкам, в осознании необходимости коренных изменений в государственном устройстве и во всем старом укладе жизни русского общества».² Эти две оценки — «постепеновцы» или «западники» — выражают различные точки зрения на предпетровскую эпоху.

¹ *Лихачев П. П.* Генезисогическая история одной помещичьей библиотеки // *Русский библиофил*. 1913. № 5. С. 22. Прим. 5.

² *Демидова П. Ф.* Федор Алексеевич // *Первые Романовы на российском престоле*. М., 1996. С. 189—190 и др.

Насколько такие оценки согласуются с фактами? Новые данные о братьях Лихачевых позволяют представить их биографии несравненно подробнее — с живыми, индивидуальными чертами.

Наибольшее влияние на дворянина Московской Руси оказывали служебная карьера и жизненный опыт деда и отца. В Московии не было школ для обучения, и поэтому дворянские дети получали образование и навыки управления от старших родственников, но большей части копируя их личный опыт. Именно так наследовали знание иноземных обычаев и языков.

Алексей и Михаил Тимофеевичи Лихачевы сумели войти в Думу не как представители городских дворян, а через потомственную дворянскую службу. Их предки были мелкопоместными детьми боярскими Бежецкой пятины и в конце XVI в. проникли на московскую службу через дворцовое ведомство. В конце XVI в. их дед пристроил обоих своих сыновей, Тимофея и Константина Ивановичей, в Сытный дворец, где они достигли высших должностей. Тимофей Лихачев был стряпчим Сытного двора у Лжедмитрия II в Тушине, а при Михаиле Федоровиче дослужился до степенного ключника — главы Сытного двора.¹

Степенной ключник Т. И. Лихачев считался важным человеком при дворе. В 1645 г. он заступился за шкесты Спасо-Прилуцкого монастыря (где был вкладчиком) и обещал им подписать старую жалованную грамоту «вновь на государское имя попрежнему, а говорит Тимофей Иванович: буди толко иные дела мало буде иерниаца, и вы де мне о том сказывайте, и яз о том булу ходатай». Эти обещания не были пустым звуком. Он «поднесил» монастырскую тарханную грамоту своему одиородцу думному дяку Ф. Ф. Лихачеву, но тот отказал: «...ныне де никому тарханная грамот не дастца и зам бы помолчать». Тогда степенной ключник обратился к Алексею Михайловичу с «вмянным челобитьем, и государю пожаловаша: велел вернуть монастырю ушаченные за три последних года пошенины — 363 рубля. Умер Т. И. Лихачев, как кажется, в следующем, 1646 г.: 6 апреля спасо-прилуцкий дякон сообщал из Москвы: «А что в мире был Тимофей Лихачев и ныне постригся и поехимился, а во иноцех Тихон, и мы у сво благословения были, и он една не отондег в нечий покой».²

В конце жизни Тимофей пристроил своих детей служить по тому же ведомству, где служил сам. М. Т. Лихачев начал придворную службу в низшем чине Сытного двора — сытником. Год за годом братья Лихачевы продвигались вверх по лестнице дворцовых чинов.³ На протя-

¹ Лихачев Н. И. Генезис историческая история... С. 18—19, 21.

² Архив СПбИИ РАН. Ф. 271. Оп. 1. № 487, 562; Описание собрания свитков, находящихся в Вологодском Епархиальном древлехранилище. Вологда, 1903. Вып. VI, С. 94, 109; см. также: С. 32, 42, 64—65, 67, 70—72, 74, 83, 91, 92, 96.

³ В 1658 г. на торжественном обеде в честь приезда грузинского царевича Темур-паши ку государю поставили столы и золотаях путные ключники Ф. Бокан и А. Лихачев. В 1660 г. на таком же обеде в честь грузинского царевича «у поставца ж стояли дворянские люди в золотых же: путной ключник Алексей Лихачев, чарочник Михаил Лихачев». 19 февраля 1664 г. на обеде в честь английского посла «у поставцам стояли трое путных ключников, в том числе А. Т. Лихачев и чарочник М. Т. Лихачев. См.: Дворянские разряды (далее: ДР). СПб., 1852. Т. III. Стб. 508, 527, 571.

женни более чем полувека семья Лихачевых обосновалась в Сытном дворце. Служба здесь оказалась той стезей, на которой семья заурядных беженских дворян за два поколения сумела достичь думных чинов. Алексей и Михаил Тимофеевичи во многом повторили карьеру отца, и за ними навсегда осталось клеймо дворовых людей. Даже в конце жизни окольникову М. Т. Лихачеву напоминали об этом.⁶

Семейная традиция определила и вторую характерную черту семьи Лихачевых. В зрелые годы Алексей и Михаил Лихачевы выделялись среди московских придворных повышенным интересом к польским обычаям и культуре. Логично думать, что этот интерес мог быть порожден знакомством их отца с обычаями польской шляхты, коль скоро он прислуживал ей в Тушине.

Сытный дворец заведовал хмельным питием в дворцовом хозяйстве. Во время торжественных застолий ключник Сытного дворца был одним из звеньев длинной цепи дворовых, которые пробовали подаваемое государю вино. Понятно, что в этой должности состояли люди, которым государь лично доверял.

Степенной ключник и четгаре подчиненных ему путных ключника распорядились огромными запасами Сытного дворца, ведали различиями, которые систематически шли с царского стола придворным, церковным чинам, послам и др. По описанию Г. Котошихина, Сытный дворец в 1660-е годы занимал более тридцати погребов только в одном Кремле, а ежегодный расход хмельного питья оценивался в 30 тыс. рублей. В его рассказе о Сытном дворце дважды упомянуто о мерах, принимающихся злоупотреблениям при выдаче питья: очевидно, дворовые люди часто корыстовались за счет казны. Г. Котошихин отметил и то обстоятельство, что ключники, чаровники, стражники и сытники были дворянского происхождения — все они «сноди честные, и пожалованы денежным жалованьем и поместьями».⁷

Значение Алексея Лихачева при дворе выходило далеко за пределы заведования дворцовым питием. 9 декабря 1674 г. игумен костремского Сытного монастыря Харлампий писал в родную обитель о результатах своих хлопот в столице по поводу средств на строительство каменной колокольни. Через родственника монастырского казначея, служившего дьяконом в придворных церквях, Харлампий удалось «признать к Алексею и Михаилу Лихачевым, а они велики к государю близки и доступны, а к пустыням пельми они о всяком строении радуют, чтоб нам о всяком строении в царских дилех в соборе и о настоящих иконах, о епангелии, и о всякой утвари государю побили челом, а их заступление, что им то дело приказано, на них лежит. А о деньгах на церковное дело, то не их».⁸ Поручение руководителям Сыт-

⁶ И. А. Желябужский в своих записках, упомянул о назначении М. Т. Лихачева 2-м судьей приказа Большой казны, не преминул добавить: «а прежде сего он был на дворце сытника» (*Желябужский И. Дневные записки // Рождение империи*. М., 1997. С. 281).

⁷ *Котошихин Г.* О России в царствование Алексея Михайловича // *Московия и Европа*. М., 2000. С. 69; *Забелин И. Е.* Домашний быт русских царей. М., 1895. Ч. 1. С. 87—90, 372.

⁸ Костромские епархиальные ведомости. 1896. Прибавления. № 20. С. 514.

ного двора опекал, пустыши вытекало из его функций. Сытный дворец, заготовившая большое количество меда, велел также связанным с ним производством воска для государева двора и церкви.⁹

Прощитированное выше письмо замечательно тем, что сообщает о неформальном распределении обязанностей при дворе. Царское поручение братьям Лихачевым опекал пустыши не было ни где официально оформлено, хотя о нем знали далеко за пределами Москвы. Кажется, эта обязанность братьев Лихачевых носила долговременный и постоянный характер. Еще в 1660-е годы царица Мария Ильинична отослала свой дар в женский Успенский монастырь Александровой слободы через А. Т. Лихачева.¹⁰ Многолетнее покровительство святым обителям представляет братьев Лихачевых как ревнителей православного благочестия.

Семья Лихачевых «рдела» о маленьких пустышах, и шестных слонии подижижниками. В 1649 г. родной дядя Алексея и Михаила Тимофеевичей, Константин Иванович Лихачев, сделал вклад «по своим родителям» в Троицкую Колесникову пустынь, основанную старцем Канитонем — впоследствии одним из вождей раскола.¹¹

Алексей и Михаил Тимофеевичи в особенности опекали Нилову Столобенскую пустынь на озере Селигер. Монастырь отличался строгим уставом и был одним из оплотов старообрядцев.¹² Это обстоятельство позволяет считать братьев Лихачевых приверженцами старинны, хотя никаких прямых данных об их отношении к расколу неизвестно.

Благодаря внимательным ходатаям Нилова пустынь обратила на себя внимание царского двора. В ней дожили свой век бывший сибирский архиепископ Нектарий, в прошлом игумен Ниловой пустыни.¹³ Когда Нектарий приезжал из пустыни в Москву, он останавливался на дворе братьев Лихачевых, владчиков его родной обители. Во время одного из таких приездов Нектарий скончался на дворе Лихачевых 18 января 1666 г.; из дома Лихачевых его поехали хоронить в Нилову пустынь.¹⁴ Видимо, не без участия Лихачевых 27 мая 1667 г. в ней со-

⁹ *Известия И. Е. Домашний был русским царей*. С. 87—88.

¹⁰ [Тихомирнов К.] Успенский первоверховнейший монастырь, в г. Александрове // *Владимирские губернские ведомости*. 1856. № 19. Част. неофициальная. С. 150.

¹¹ *Лихачев И. И. Генеалогическая история*... С. 19. *Тесарикли В. В.* Материалы для историко-топонимической исследования о православных монастырях в Российской империи. СПб., 1892. Ч. II. № 1229.

¹² В конце 1650-х и в 1660-е годы на целых двенадцать лет здесь обрел приют старец Корнилий Вытговский, при нем в пустыни службу всю по старому совершалось. Павлуше открыты являл предобного Никола и пустыни прислали никонианского священника, который стал заводити службу по-новому. Корнилий был тогда помощником и поговору с братией удриал во время службы присланного священника видилом по голове. Никониане до крови избили Корнилия, а старцы же святости мужество показана — бившая с ними до пролития крови. И одолена отступница (т. е. никониане). — *И. С.* старинной *Бережневский Д. И.* Житие Корнилия Вытговского Нахонской редакции (тексты) // *Древнерусская письменность. По материалам Пушкинского Дома*. Л., 1985. С. 81—84.

¹³ Царь жаловал бывшего архиепископа крупными суммами из своей воювати, в 1665 г. — 100 руб., а в связи с кончиной Нектария — 200 руб. (Дела Тайного приказа, СПб., 1904. Т. III. Стб. 584, 674).

¹⁴ ДАН, СПб., 1853. Т. V. С. 101.

стоялось обретение мощей Ниши Столобенского.¹⁴ В 1674 г. в пустынь были посланы драгоценные ткани, в том числе «из отставной колыбели» кого-то из царских детей.¹⁵

Многолетняя дворовая служба позволила Алексею Лихачеву получить исключительную высокую милость. По свидетельству В. Н. Татищева, Алексей Лихачев был «учителем» царевича Алексея Алексеевича.¹⁷ В докладной записке 1678 г. о службах А. Т. Лихачева указано, что он был у царевича Алексея Алексеевича «в компании»: это удостоверяет его службу при наследнике престола.¹⁸ Выдающаяся роль братьев Лихачевых, которую они стали играть вслед за смертью Федора Алексеевича, позволяет предположить, что после смерти Алексея Алексеевича А. Т. Лихачев продолжал состоять при наследнике престола, теперь уже царевиче Федоре. На примере А. Т. Лихачева видно, насколько многообразны могли быть обязанности и каково было значение заурядного ключника Сытного дворца.

Михаил Лихачев дослужился до пунного ключника,¹⁹ а к 18 июня 1674 г. упоминается уже степенным ключником,²⁰ т. е. главой Сытного дворца. Принимая сукина и посуду в Сытный дворец,²¹ он иногда отдавал их и в хоромы царихи Натальи Кирилловны.²² Впрочем, этого недостаточно, чтобы сделать заключение о каких-то особых дворцовых обязанностях М. Т. Лихачева.

По лестнице придворных чинов Михаил шел все время по пути старшего брата Алексея, и тот факт, что он стал во главе Сытного дворца, косвенно подтверждает переход Алексея на другую, более почетную службу — в царские палаты.

«Дворовые люди» выступали ходатаями перед царем по всяким делам, выполняли самые различные царские повеления. Обратимся к истории, занесенной В. Н. Татищевым и слышанной им от самого Алексея Лихачева: «Некто дворянин просил царя Алексея Михайловича о покое в доме и сказал у себя два сына, годных в службу, а третьей малолетен. Государь повелел и разряд спросить, есть ли город свободной, чтоб 5 или 600 рублей пожертвовать. И донесли Коострому, куда оно пожаловано, сказав, чтоб он, пажив, деревню купил. Оной, возвратясь, благодарил государя за милость и донос, что пажив не более 400 рублей. Государь повелел тайно спросить того города дворян о его малом пожитке и, уведав, что он брал, кто что принесет, а никого не грабил, велел его на другой, лучшей отпустить».²³ Неизвестно, кто был тот дворо-

¹⁴ *История А. Род Шереметева*. СПб., 1899. Кн. VII. С. 6.

¹⁵ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. № 863. Л. 392—392 об.

¹⁶ *Татищев В. Н.* История Российская. Л., 1968. Т. VII. С. 172.

¹⁷ РГАДА. Ф. 210. Столбца Московского ст. Стб. 538. Л. 234.

¹⁸ Впервые пунным ключником М. Т. Лихачев упоминает в переписных книгах Москвы 13 июня 1671 г.: «от Низвитких ворот по Тиверскую дворю <...> пунного ключника» М. Т. Лихачева (Переписные книги города Москвы 1665—1676 г. М., 1886. Стб. 168).

¹⁹ ОИИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. № 369. Л. 28 об., 37.

²⁰ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. № 15791; Оп. 2. № 863. Л. 382, 427.

²¹ 31 июня 1674 г. М. Т. Лихачев принял сукина для Натальи Кирилловны, 18 сентября 1675 г. он поддал серебряную посуду в хоромы царихи (РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. № 329. Л. 119—119 об.; № 863. Л. 355 об.).

²² *Татищев В. Н.* История Российская. Т. VII. С. 296.

ный, которого царь посылал «тайно спросить» о доходах этого на редкость честного посвода. Им мог быть сам А. Лихачев или другой приближенный — и в данном случае важно то, что именно такие близкие к государю дворовые играли важную роль в царской компании. Решение подчас весьма запутанных дел могло зависеть от того, что они шепнут на ухо государю.

В 1669—1670 гг. одна из представленных ко двору царских невест, дочь Нестера Языкова-Хомякова, жила на дворе путного ключника Михаила Лихачева.²⁴ Это первое известное нам свидетельство о сотрудничестве этих двух родов, проявившееся в полной мере через несколько лет.

Выдающаяся роль братьев Лихачевых, которую они стали играть вслед за поцарением Федора, заставляет с вниманием отнестись к свидетельствам об их комнатной службе уже в конце царствования Алексея Михайловича. В переписных книгах Москвы июля 1671 г. упомянут двор «сирячего с крюком» А. Т. Лихачева.²⁵ Должность «у крюка» была одной из ключевых в царских палатах. Службу «у крюка» в царской компании нес обычно один из самых доверенных спальников, он надзирает за уборкой комнаты и проходом в нее придворных.²⁶ Существенно ниже была служба «у крюка в Передней», при ней обычно состоял живец. Неясно, у какого «крюка» служил в конце царствования Алексея Михайловича А. Т. Лихачев, скорее всего — «у крюка» комнаты царевича Федора Алексеевича.

С поцарением последнего А. Т. Лихачев сохранил свою должность при Федоре Алексеевиче. По свидетельству В. Н. Татищева, в начале его царствования бояре кн. Ю. А. Долгоруков и Б. М. Хитрово, чтобы противостоять влиянию И. М. Милославского в царских палатах, «Ивана Языкова, человека великой остроты, терпю государю выхваляя, и милость швели», а также А. Т. Лихачева, «человека доброй совети».²⁷ Данное свидетельство находит документальное подтверждение.

Уже на третьей неделе нового царствования, 20 февраля 1676 г., Алексею Лихачеву было велено «быть у крюка в комнате».²⁸ Во время венчания на царство 18 июня А. Т. Лихачев принимал царское платье и держал мису с золотыми. В июле—августе 1676 г. он и его брат Михаил систематически выполняли поручения царя.²⁹ 15 августа 1676 г. царь пожаловал Алексея и спальники с укалом по-прежнему быть «в комнате у крюка».³⁰ У А. Т. Лихачева была особая «кватка» по

²⁴ *Песчиркой И.* Список демян, из которых в 1670 и 1671 г. выбирал себе супругу царя. Алексей Михайлович // *Известия Археологического общества*. СПб., 1865. Т. V. Вып. 6. Стб. 471.

²⁵ Переписные книги города Москвы 1665—1676 г. Стб. 168.

²⁶ В 1675 г. спальником «у крюка» в комнате» был П. С. Хитрово (ДР. Т. III. Стб. 1312, 1491, 1545, 1611).

²⁷ *Татищев В. Н.* История Российская. Т. VII. С. 172.

²⁸ РГАДА. Ф. 210. Столбы Московского ст. Стб. 508. Л. 158.

²⁹ Дела Тайного приказа. СПб., 1904. Кн. 3. Стб. 1667, 1671, 1715, 1716; Материалы для истории, археологии и статистики московских церквей. М., 1884. Стб. 998, 999.

³⁰ РГАДА. Ф. 210. Столбы Московского ст. Стб. 522. Л. 581; ср.: Боярские списки. № 14. Л. 233 об.

дворце.³¹ Он не имел семьи и потому дни и ночи мог жить рядом с царскими покоями. Комнатная служба Алексея увеличилась успехом: 16 августа 1680 г. он стал постельничим³² и по должности возглавил Царскую Мастерскую палату (1680—1682).³³

Всёяд за братом по лестнице дворцовых чинов восходил Михаил Тимофеевич. Когда 14 августа 1676 г. И. М. Языков стал постельничим, степенной ключник М. Т. Лихачев был пожалован в столыпники и назначен в дворцовый судный приказ на место И. М. Языкова.³⁴ 1 октября того же года М. Т. Лихачев возведен в стряпчие с ключом³⁵ и стал вторым судьей Царской Мастерской палаты (1676—1680).³⁶ 4 сентября 1681 г. Михаил пожалован в казначей³⁷ и по должности возглавил Казенный приказ (1681—1682).³⁸ Братья Лихачевы оказались главными распорядителями в хоромы царя Федора и со временем преградили из служащих царской комнаты в ближайших советников царя.

По дворцовой документации можно проследить, что Алексей внесли в царские хоромы среди прочих и иноземные вещи: «кувшин Виницейской», «вашки камешные шипицейские», «Евангелие <...> польского дела».³⁹ Михаил ни разу не поднес царю предмета иноземной культуры. Это различие в отношении двух братьев к иноземным вещам особенно наглядно проявилось в 1677 г., когда Алексей привез в царских хоромы «библию писменную в лицах на латинском языке в переплете и чети, перешитая на белую кожу».⁴⁰ Неясно, была ли латинская библия доставлена царю для чтения или государь просто смотрел помещенные в ней картинки («лица»). Во всяком случае появление католической библии в палатах православного государя было делом неключительным. Вскоре после того, как Алексей привез царю латинскую библию, Михаил «снес <...> из его государевых хором и отдал за перетрадою <...> библия в лицах подписана словенским языком в листах да пергамин основной» с повелением «се в тот пергамин переписать по обрезу и на досках травки золотом и лента привязать».⁴¹

Именно Алексей, а не Михаил объявил один из царских указов об изготовлении оборудования для так называемой Верхней типографии

³¹ 18 декабря 1677 г. с Казенного двора были отосланы सूжна «в полатку» А. Т. Лихачеву (РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. № 725. Л. 9 об. — 12).

³² ДР. Т. IV. Стб. 174. РГАДА. Ф. 210. Боярские списки. № 17. Л. 6.

³³ *Битовалетский С. К.* Приказные судьи. М.; Л., 1940. С. 215—216.

³⁴ РГАДА. Ф. 210. Боярские списки. № 14. Л. 7. Столбы Московского ст. Стб. 301. Л. 377; *Битовалетский С. К.* Приказные судьи. С. 179. Пожидование М. Т. Лихачева в столыпники не лишено отражения в боярских списках. Видимо, как и в других аналогичных случаях, это означает, что он исполнил в царской комнате какие-то обязанности, которые в боярских списках не фиксировались.

³⁵ РГАДА. Ф. 210. Боярские списки. № 14. Л. 230 об.

³⁶ *Битовалетский С. К.* Приказные судьи. С. 179.

³⁷ РГАДА. Ф. 210. Боярские списки. № 21. Л. 9.

³⁸ *Битовалетский С. К.* Приказные судьи. С. 72.

³⁹ Дела Тайного приказа. Кн. III. Стб. 1671, 1715—1716.

⁴⁰ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. № 16810. Л. 1—2.

⁴¹ Библию перевел немец Яган Эдвус, и 7 февраля 1677 г. она была внесена в царские хоромы, где ее принял М. Т. Лихачев (РГАДА. Ф. 159. Оп. 1. № 976. Л. 9).

в царских палатах — первой типографии в России без цензуры со стороны патриарха.⁴²

Алексей Лихачев оказался среди первых придворных, щеголявших при дворе в новомодном «турском кафтане»;⁴³ в этом он был не одинок,⁴⁴ но все же таких модников было меньшинство. Впрочем, Алексей носил и старомосковский охабень.⁴⁵ В отношении Михаила Лихачева не сохранилось никаких данных о том, что он носил какое-либо новомодное платье, хотя в царствование Федора Алексеевича упоминания об изготовлении для него одежды из казны нечисляются многими десятками.

22 октября 1680 г. последовал первый в истории России указ об изменении одежды: отмене подлежало наиболее одиозное старомосковское платье — охабни и однопрядки. Ближайший царский круг был непосредственно вовлечен в подготовку и проведение реформы. За день до указа царь раздарил свое московское платье постельничему Н. М. Язакону и братьям Лихачевым. Господствует мнение о том, что реформа состояла в введении шотландского, польского, платья. Удалось обнаружить текст этого указа: из него следует, что наряду с отменой охабней и однопрядок указ категорически запрещал носить любое шотландское платье. Эта двойственность указа обнаруживает неоднозначность позиции царя Федора и его двора в отношении западных новшеств. Отказ от некоторых старомосковских обычаев сочетался с пестроженным отношением к западной моде.

Итак, по сравнению с Алексеем Михаил был, кажется, более сдержан в отношении новшеств. Единственный случай, когда он явил новомодный образец, связан со строительством его московского дома на Никитской улице. В мае 1680 г. Михаил женился и стал строить себе новые каменные палаты. Строительством велось с большим размахом, поскольку царский фаворит пользовался бесплатными строительными материалами, отпускаемыми из казны. Уже в июне того же года власти московского Симеонов монастыря пожаловали, чтобы окна монастырской трапезной имели «столбики круглые, отгашенные капители верхние и нижние тем образцом, как у Михаила Тимофеевича Лихачева».⁴⁶ Михаил сумел выделиться показным богатством своего нового

⁴² 7 июня 1679 г. Алексей Лихачев «приказал сделать четыре шурупа в нем великому государю в хоромы к станку деревянному, в нем печатают книги фрязкою» (РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. № 18153).

⁴³ 28 сентября 1677 г. из Царской Мастерской палаты было уплачено за поделку пантук «ля турецкой кафтану» буфы крошечной цветя для А. Т. Лихачева. 23 июня 1679 г. ему же был куплен серебряный галун «ля кафтану турецкого». 16 июня 1679 г. царь подарил Алексею и его кафтану пантук «золотую с кистями на полское делом» (РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. № 16963. Л. 1. № 17509. Л. 126; № 18263).

⁴⁴ В описи гардероба боярина вл. Н. В. Голицына (5 июня 1678 г. значится три «турских кафтана» (*Седов И. В.* Опись гардероба боярина князя Василия Васильевича Голицына // *Россия XV—XVIII столетий: Сборник научных статей.* Белгород: СГБ, 2001. С. 272—273).

⁴⁵ В 1677—1678 гг. он не раз получал из казны судна для своего охабней (РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. № 16963. Л. 127; № 17271; Оп. 2. № 722. Л. 269 об.).

⁴⁶ См. *Седов И. В.* Строительство в Москве при царях Федоре Алексеевиче // *ОИ.* 1998. № 6. С. 153.

дома, на содержание которого требовались все новые и новые средства. Осенью 1680 г., когда строительные работы на его дворе шли полным ходом, Михаил все более входил во вкус стяжания. Он только что получил очередную доходную должность: царь поручил ему покровительство нескольким богатым монастырям, за что последние должны были «почтить» своего покровителя подношениями. Едва представители Валдайского Иверского монастыря замешкались с подношениями, как М. Т. Лихачев уже «ценно глядит, потому что почести от нас никакой ему нет, а дворецкой (М. Т. Лихачева — П. С.) скальвает, что де хочет почести».⁴⁷

Двор Алексея Лихачева стоял на Никитской улице рядом с двором брата, но никаких данных об отпуске казенных средств на каменное строительство для Алексея не сохранилось. Известно только, что крыша его новых деревянных хором была покрыта из казны дубом.⁴⁸ Судя по всему, в отличие от брата Алексей ограничился строительством более скромных деревянных хором.

В противоположность Михаилу, который был одержим стяжанием, Алексей явил пример бескорыстия и женился на молодой и небогатой вдове. В октябре 1680 г. он взял в жены Марию Андреевну, вдову стольника В. И. Травина. Приданое ее, включая прожиточное поместье дочери Арины от первого брака, было невелико: 258 четв. земли (65 дворов) в Пошехонском и Галичском уездах.⁴⁹ Для погребельничего Алексея Лихачева такой брак не сулил ни богатства, ни особой чести. Поэтому остается предположить, что Мария Андреевна пришлась Алексею по сердцу. На следующий день после свадьбы, 6 октября, Алексей явился к патриарху яко благоословенно после женитьбы⁵⁰ — так делали лишь наиболее благочестивые придворные. Ко времени свадьбы Алексею было уже около пятидесяти лет, но, как оказывалось, этот брак вдохнул в него новые силы: он прожил еще полвека.

Любопытно, что Михаил женился в том же году и очень выгодно — на дочери богатейшего человека страны, гостя Строганова, Марфе Федоровне. Это был его третий брак, и, может быть поэтому, он в отличие от Алексея не ходил к патриарху яко благоословенно после свадьбы. Однако из года в год Михаил являлся к патриарху на благоословение по случаю своих именин — 22 ноября,⁵¹ день св. Филिमона — таково было родовое имя Михаила. Несомненно, что братья Лихачевы были людьми благочестивыми и не уклонялись от патриаршего благоословения, как это делал в это же время думный дяк Аверкий Кириллов.⁵²

⁴⁷ Архив СПбНИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. № 2693. Л. 12, 21.

⁴⁸ РГАДА. Ф. 308. Оп. 2. № 1032. Л. 163 об.

⁴⁹ Там же. Ф. 1209. Столбцы по Старине. Стб. 34033. Ч. 1 (без подписания). См. также: Архив СПбНИИ. Копл. 208. Карг. 3. № 17. Л. 6—6 об. Приношу благодарность Т. А. Бакановой, добравшей обратившей мое внимание на этот факт.

⁵⁰ РГАДА. Ф. 236. Оп. 1. № 42. Л. 60 об.

⁵¹ Там же. Ф. 235. Оп. 2. № 28. Л. 35. № 85. Л. 176.

⁵² См.: Седов Н. В. Ходящие во власть: гостя Аверкия Кириллова // Торги оля, купечество и таможенные дела в России в XVI—XVIII вв.: Сборник материалов международной конференции. СПб., 2001. С. 91—92.

Смерть Федора Алексеевича 27 апреля 1682 г. положила конец придворному счастью братьев Лихачевых. Уже 1 мая фаворитам прежнего царствования было запрещено являться во дворец, среди них были братья Лихачевы и их племянник спальник И. В. Дашков.⁵³ В мае 1682 г. поставшие стрелы потребовали сослать временщиков царя Федора: Михаил был сослан в Нилову пустынь на озере Селигер, а Алексею грозилась ссылка в Сибирь, но его остановили в дороге и поселили в Калужин монастырь.⁵⁴ Опала братьев Лихачевых была недолгой. Уже в июле 1682 г. «по государеву указу» Михаил был взят из Ниловой пустыни.⁵⁵ Братья Лихачевы вернулись ко двору и даже были облачены правительницей Софьей. 19 августа 1683 г. в Донском монастыре они были пожалованы в думные чины: Алексей — в околничие, а Михаил — в думные дворяне.⁵⁶ Позднее, в 1686 г., Михаил даже списал чин околничьего.

Впрочем, братья Лихачевы не вошли в правящий круг ни в годы регентства Софьи, ни затем в правительстве Нарышкиных. В 1700 г. Петр поставил Алексея во главе приказа Рудоконных дел⁵⁷ — должность хоть и важная, но не первостепенная. Михаил умер в 1707 г., Алексей же пережил его на два десятка лет.

Последнее упоминание Алексея на службе относится к 1717 г. В челобитной июля этого года он писал, что по царскому указу построил себе дом в Петербурге «на Московской стороне на второй линии <...> И в прошлом 1714-м году я, раб твой в Санкт-Петербурге на том дворе жил. И в прошлом 1715-м году в мае месяце по именному <...> указу из Санкт-Петербурга за сторожкою мою отпущен к Москве».⁵⁸ Жизнь в петровском царстве не пришлась Алексею Лихачеву по душе. Он выпросил разрешение уехать в свое владимирское имение рядом с Успенским девичьим монастырем и Александровкой слободой. Этой обителью он покровительствовал еще при царице Марии Ильиничне Милославской, сюда он передал часть своей библиотеки,⁵⁹ которой посвятил остаток своей жизни. Рядом с этой обителью он и умер в 1729 г., соединив своей жизнью две далекие друг от друга эпохи — Михаила Федоровича и Петра II.

Итак, факты биографии братьев Лихачевых не дают цельного образа «квандников». Они то проявляли интерес к западным новшествам, то, напротив, демонстрировали приверженность старомосков-

⁵³ Славинский С. М. История России с древнейших времен. М., 1991. Кн. VII. С. 314.

⁵⁴ Московское восстание 1682 г. М., 1976. С. 51, 171, 279, 294.

⁵⁵ Государственный архив Тверской области. Ф. 476. Оп. 1. № 5. Расходные записки по Ниловой пустыни 1681—1682 гг. Л. 82.

⁵⁶ ДР. Т. IV. Стб. 235.

⁵⁷ Там же. Стб. 1155.

⁵⁸ РГАДА. Ф. 248. № 647. Л. 135.

⁵⁹ В монастырской библиотеке оказалось десять книг, переданных А. Т. Лихачевым в 1729—1730 гг. (Владимирские губернские ведомости. 1856. № 21. Часть неофициальная. С. 167—168). Пять из них хранятся ныне в фонде редкой книги Владимирского областного музея-заповедника: В-5636/70, В-5636/116, В-5636/405, В-5636/406, В-5636/412. Об этих книгах см.: Гвоздев М. Ю. Истоки формирования старинчатого фонда книг музея // Материалы исследований. Сборник № 2. Владимир, 1997. С. 29; Гвоздев С. И. Владимирский список Хроники Литовской Матвеев Стрыйковского // Там же. С. 18.

скому благочестию. Пока один из братьев являл образец подражания польской культуре, другой воздерживался от таких повомодных образцов. Эта чересполосица культурного поведения не покажется странной, если мы не будем употреблять само понятие «западник» применительно к концу Московского царства, и в частности к братьям Лихачевым, которые никогда не выезжали за пределы своей страны. Западничество как целое мировоззрение просто не существовало в то время. Да и в каком смысле православный человек Московского царства мог быть западником — в католическом или в протестантском? Поэтому вряд ли правильно выискивать в Московии так называемых «западников», пока западная культура еще не утвердилась на русской почве.

Отказ от такой некорректной модернизации применительно к деятелям звката Московского царства позволяет уточнить общую оценку предпетровской поры. Вместо однозначной запашности грядущих петровских реформ возникает противоречивый образ переходного периода, когда граница между старомосковской традицией и новшествами с Запада проходила не между отдельными людьми, а внутри каждого из них.

SUMMARY

The article is devoted to the tsar Fedor Alekseevich (1676—1682) advisers Aleksei and Mikhail Timofeevich Likhachev, commonly considered as Westernizers. The author uses new data to argue that the label of Westernizer has been improperly applied to these advisers and that more broadly the term Westernizer is not appropriate for the Pre-Petrine era.